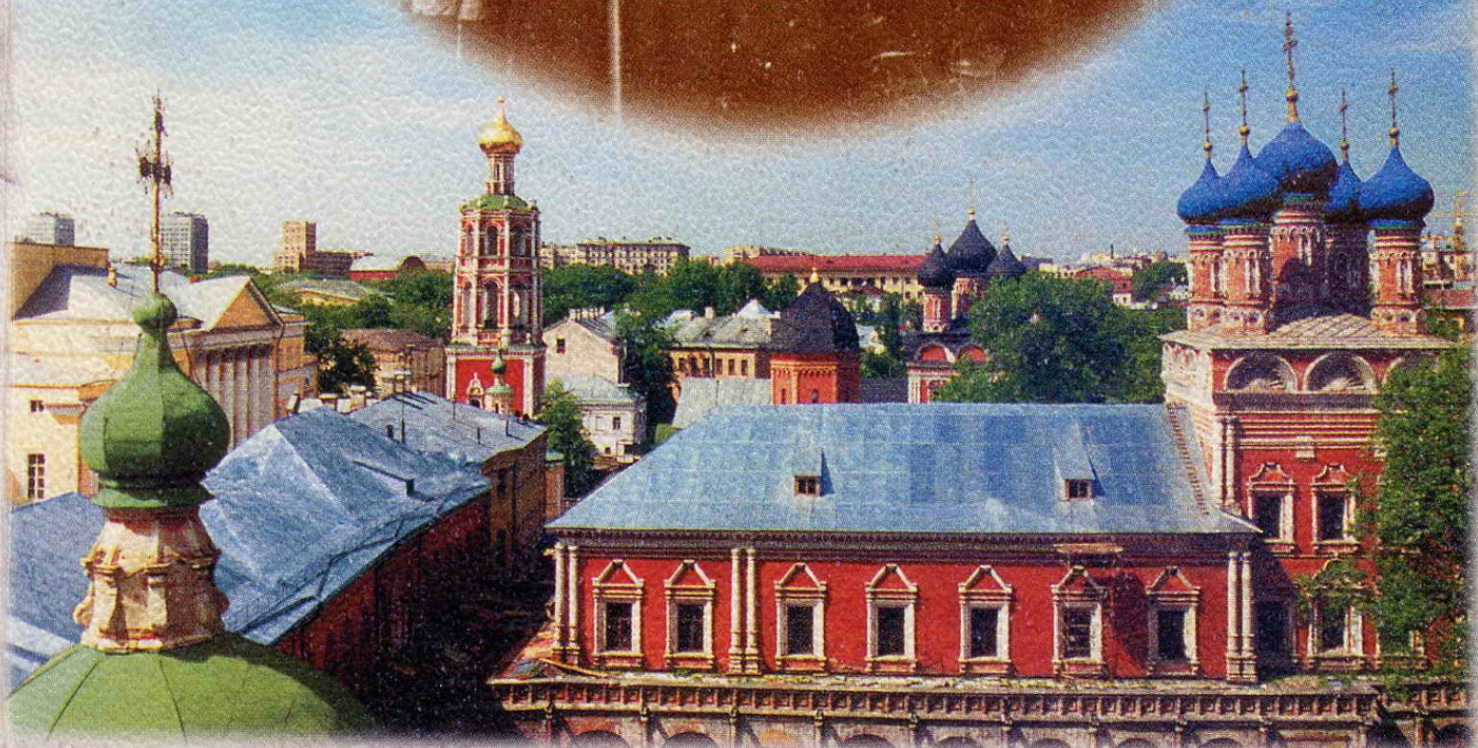

МОНАХИНЯ ИГНАТИЯ

СТАРЧЕСТВО В ГОДЫ ГОНЕНИЙ

Простите

монахиня Игнатия Пузик

**Старчество в годы гонений.
Преподобномученик Игнатий
(Лебедев) и его духовная семья**

«Московское Троицкое Подворье Свято-Троицкой
Сергиевой Лавры Русской Православной Церкви»

2001

Пузик м.

Старчество в годы гонений. Преподобномученик Игнатий (Лебедев) и его духовная семья / м. Пузик — «Московское Троицкое Подворье Свято-Троицкой Сергиевой Лавры Русской Православной Церкви», 2001

ISBN 5-7789-0116-X

В книгу вошли произведения, написанные в 1940-1950-х гг. членом одной из крупнейших подпольных монашеских общин Патриаршей Церкви. В них запечатлены малоизвестные подробности из жизни российских христиан в годы гонений. Но главное – они подробно рассказывают о пути духовного возрастания, о том, как именно строились отношения учителя с учеником, о том, как вечные законы жизни во Христе находили себе применение в XX веке. Все это делает эти произведения не только ценнейшим мемуарным источником, но и настоящим учебником духовной жизни. Тексты книги публикуются впервые.

ISBN 5-7789-0116-X

© Пузик м., 2001
© Московское Троицкое Подворье
Свято-Троицкой Сергиевой Лавры
Русской Православной Церкви, 2001

Содержание

Книга о времени и вечности	6
Прославление преподобномученика Игнатия Московского в лике новомучеников и исповедников Российских	9
Часть I	10
I. Детство, отрочество и первые годы юности	11
II. Жизнь в Казани	14
III. Зосимова пустынь	18
Конец ознакомительного фрагмента.	21

Монахиня Игнатия
Старчество в годы гонений.
Преподобномученик Игнатий
(Лебедев) и его духовная семья

По благословению Святейшего Патриарха Московского и всея Руси Алексия II

Издание подготовил А. Л. Беглов

СЕРИЯ:
Библиотека журнала
«АЛЬФА И ОМЕГА»

Книга о времени и вечности

6 июля 1816 года Державин писал свое последнее стихотворение:

*Река времен в своем стремлении
Уносит все дела людей
И топит в пропасти забвения
Народы, царства и царей.
А если что и остается
Через звуки лиры и трубы,
То вечности жерлом пожрется
И общей не уйдет судьбы!*

... Человек брошен в реку времени. Он один на ее стремнине. Как он попал сюда? Где пристанет его утлая лодочка? То, что было предметом его забот и трудов, исчезает в одночасье. То, что утешало его, сметено и забыто. А то, что задержалось на миг в памяти людей благодаря поэтам и историкам, *через звуки лиры и трубы*, все равно исчезнет за первым поворотом реки. Всматриваясь в неумолимый поток, человек познает свое неизбежное сиротство.

«Стихи были только начаты, но их продолжение угадать нетрудно, – считает биограф поэта. – Отказываясь от исторического бессмертия, Державин должен был обратиться к мысли о личном бессмертии – в Боге»¹. Но поэт не завершил начатого, и первое восьмистишие незаконченной оды навечно осталось не ответом на муки и стенания человека, а величественной констатацией его бренности.

... Шел 1953 год – середина века, бросившего человечество в пропасть невиданных страданий. В Париже крошечным тиражом только что была издана книга, открывавшаяся вопрошанием: «... Где же этот СВЕТ ЛЮБВИ ОТЧЕЙ... где же этот внимательный до последней мелочи Промысл? Все мы подавлены зрелищем неудержимого разгула зла в мире. Миллионы жизней, часто едва начавшихся, прежде даже, чем достигнуто само осознание жизни, с невероятной жестокостью вырываются... зачем же дана эта нелепая жизнь? И вот, жадно ищет душа встречи с Богом, чтобы сказать Ему: Зачем Ты дал мне жизнь?.. Я пресыщен страданиями; тьма вокруг меня; зачем Ты скрываешься от меня?.. Я знаю, что Ты благ, но почему Ты так безразличен к страданию моему?..»².

Еще более остро, чем в державинских предсмертных словах, без величия его слога, – обнаженное вопрошание Иова. Но далее шел и ответ: жизнь человека – «малого» для мира и одновременно – мужа «гигантской силы духа», свидетеля любви Бога к человеку.

В тот же год на маленькой подмосковной даче женщина, крупный ученый, заканчивала рукопись, которая не имела отношения к ее изысканиям и должна была лечь «в стол» лет на сорок. В самом ее конце возник державинский образ: *река времен*; ее течение непрерывно, она неумолима. Но под милующим Божиим оком она и животворит, выводит чудный узор человеческой жизни. Он уже не сотрется вечностью³. Этот узор автор пытался разглядеть в своей жизни, в жизни своих близких и в судьбе человека, который открыл ей бесконечный по богатству и красоте невидимый мир, своим взглядом и словом родил ее для Небесного Царства.

¹ Ходасевич В. Державин. М., 1988. С. 288.

² Старец Силуан. Paris, 1952. С. 3.

³ Ср.: На стекла вечности уже легло / Мое дыхание, мое тепло. <...> Пускай мгновения стекает муть – / Узора милого не зачеркнуть. – *Мандельштам О.* Стихотворения. М. -Л., 1928. С. 11.

Это был ее ответ на вопрос, так полно и так остро сформулированный ее современником. Два человека – дети растерзанного народа, один – в изгнании, другая – в подполье, чада гонимой Церкви, ученики свидетелей и свидетели их жизни почти одновременно нашли слова, чтобы утешить обезумевший от боли мир, поддержать его, подать ему надежду.

Узор жизни ее *Отца* был очищен от пыли греха, стал осязаем и светел благодаря руководству опытных наставников. С первых дней своей монастырской жизни он погрузился в заботливо поддерживаемую атмосферу духовного подвига. Богослужение и совместный труд, личная молитва и чтение отеческих писаний, и ключевой момент – общение с духоносными мужами, вера и преданность им даже до смерти. Все это *легким содейвало путь* (Мф 11:30), расцветило его яркими бликами любви. И если афонский подвижник во многом был одинок и не понят, то герой ее книги, радуясь братскому единомыслию и поддержке, вместе с Давидом воспевал: *се что добро, или что красно, но еже жижи братии вкупе!* (Пс 132:1). Руководство отцов, ежедневное, ежечасное обращение к ним даже самое малое дело возводило на высоту христианского подвига, превращало монастырь в семью. Господь становился ближе, понятнее была Его милующая и воспитывающая любовь.

За 15 лет послушания он пришел в меру своих наставников. Руководство отцов раскрыло в нем его первообраз, его призвание, его судьбу. Господь поставил его самого руководителем и пастырем. Теперь он в самом себе являл милующую, очищающую, возводящую к совершенству любовь Отца (Ин 15:2–3) и учил ей многих и многих.

Но Промысл вел его дальше. Подобно верным Аврааму и Иову, он был испытан до конца: действительно ли единственной целью всех его исканий и жертв был Христос и

Его кроткая любовь? И он, свидетель о любви в своей жизни, свидетельствовал о ней и в своих страданиях, и в своей смерти.

Великие свидетели, он и неизвестный ему афонский инок, умерли в один год. Двенадцать дней разделяют дни их рождения в вечность. Остались свидетели о свидетелях и слово почивших мужей.

Время для слова пришло через семь лет. В 1945-м – в год знаменательный и рубежный – голос окреп для того, чтобы заговорить о тех, о ком молчали почти десять лет, но чьи судьбы незаживающей раной кровоточили в сердце. Так появилась первая ее книга – жизнеописание духовного отца. Еще через семь лет, осмысляя свой путь и опыт свидетельства, поощряемая духовными сестрами, она снова обратилась к началу пути.

Обе книги оказались схожи и в то же время различны. В них обеих – одни и те же лица, почти одни и те же годы и события. Но жизнеописание *Отца* — собранное и законченное – говорит только о нем, все остальное здесь – через него и для него, подчинено стройной и величественной поступи его судьбы. Вторая книга названа «Летопись». Она, как всякая летопись, и не могла быть закончена. Последняя глава написана, когда большинство героев книги были в середине жизненного пути, когда узор их жизни был еще далек от завершения. И главный герой повествования – не *батюшка* (*отца*, как говорили они), не кто-то из его детей в отдельности, а вся его духовная семья, его *дело*.

Она сама и те, о ком она писала, были верными гражданами своей страны, не за страх, а за совесть работали они для ее благополучия. Но страна смотрела на них с подозрением: было в них что-то чуждое ее тогдашним устремлениям. Поэтому законченная рукопись тщательно хранилась от посторонних. Некоторые имена в ней были зашифрованы, фамилии опущены, автор не указан. Читали ее в основном лишь те, о ком говорилось на ее страницах: читали не для того, чтобы узнать что-то новое, а чтобы воскресить в своей памяти первые трудные и светлые годы своего пути.

К счастью, река времен не скрыла безвозвратно написанное полвека назад; воды донесли до нас свидетельство о свидетеле и его деле. Прислушаемся к нему. Оно способно утолить «голод слышания Слова Божия».

* * *

В наше время судьба этих книг не была гладкой. Они родились после долгих раздумий; каждое слово, каждая запятая вышли из пережитого, осознанно легли на бумагу. Но первое издание жизнеописания было не вполне удачным⁴. Его текст, не согласованный с автором, далеко отошел от первоначального, был ужат, переписан, дополнен чуждыми фрагментами. В настоящем издании мы впервые помещаем авторский текст жизнеописания схиархимандрита Игнатия (1-я часть). «Летопись» (2-я часть) и письма отца Игнатия одной из духовных сестер автора, монахине Ксении (3-я часть) печатаются впервые. В книгах монахини Игнатии нами раскрыты некоторые инициалы и в ряде случаев добавлены адреса цитат из Священного Писания. В последнее время многие из упоминаемых в книге лиц были прославлены Церковью. В авторском тексте сохранены их прежние именованья, исправленные в подписях под фотографиями. В Указателе приводится их именованье, данное при канонизации.

⁴ По воспоминаниям *монахини Игнатии П.* Монашество последних времен. Жизнеописание схиархимандрита Игнатия (Лебедева). М.: Издательство имени святителя Игнатия Ставропольского, 1998.

Прославление преподобномученика Игнатия Московского в лике новомучеников и исповедников Российских

Из Журнала № 7
ЗАСЕДАНИЯ СВЯЩЕННОГО СИНОДА
РУССКОЙ ПРАВОСЛАВНОЙ ЦЕРКВИ
от 27 декабря 2000 года

В заседании Священного Синода под председательством ПАТРИАРХА
СЛУШАЛИ: Доклад Преосвященного митрополита Крутицкого и Коломенского Ювене-
налия, Председателя Синодальной Комиссии по канонизации святых, о результатах работы
Комиссии за период, прошедший после проведения Архиерейского Юбилейного Собора 2000
года.

СПРАВКА: Архиерейский Собор определил «В после-соборное время поименное вклю-
чение в состав уже прославленного Собора новомучеников и исповедников Российских совер-
шать по благословию Святейшего Патриарха и Священного Синода, на основании предвари-
тельных исследований, проведенных Синодальной Комиссией по канонизации святых» (пункт
14 Деяния о Соборном прославлении новомучеников и исповедников Российских).

ПОСТАНОВИЛИ:

1. Одобрить доклад Преосвященного митрополита Ювенеalia.
2. Включить в Собор новомучеников и исповедников Российских XX века имена подвиж-
ников, материалы о которых представлены <...>

от Московской епархии:
схиархимандрита Игнатия
(Лебедева; 1884–1938) <...>

Патриарх Московский и всея
Руси

Члены Священного Синода:

Митрополит Киевский и всея
Украины

+ Владислав

Митрополит Санкт-Петербур-
гский и Ладожский

+ Владимир

Патриарший Экзарх всея
Беларуси, митрополит Минский
и Слуцкий

+ Григорий

Митрополит Крутицкий и
Коломенский

+ Ювеналий

Председатель Отдела внешних
церковных сношений, митрополит

+ Григорий

Смоленский и Калининградский

+ Александр

Митрополит Кишиневский и
всея Молдовы

+ Александр

Архиепископ Оренбургский и
Бузулукский

+ Иннокентий

Архиепископ Уральский и
Гурьевский

+ Алексей

Архиепископ Красноярский и
Енисейский

+ Алексей

Архиепископ Костромской и
Галичский

+ Александр

Епископ Уфимский и
Стерлитамакский

+ Геннадий

Управляющий делами Москов-
ской Патриархии, митрополит
Салтыковский

+ Сергей

Часть I

Схиархимандрит Игнатий (Лебедев), старец Зосимовой пустыни и Высоко-Петровского монастыря

*Друзии же руганием и ранами искушение прияша, еще же и узами
и темницею...*

*Их же не бе достоин весь мир, в пустынях скитающаяся и в горах и
в вертепах и в пропастях земных.*

Евр 11:36,38

Различные пути спасения и приближения к Богу видим мы в различные периоды бытия Святой Христовой Церкви. В эти периоды Сам Подвигположник и Глава Церкви указывал членам ее те или иные пути, давал те или иные возможности для соединения с Собою. Так возник и возрос в Церкви Христовой лик Апостолов и проповедников Вечной Истины, так принес лея от земли, как ее красное жертвоприношение, сонм мучеников – от всех племен, сословий и состояний, – запечатлевших кровью истину апостольской проповеди. Как светила, освещали жизнь христиан подвиги и труды святых пастырей и учителей Церкви – и во дни мира, и во дни гонений; как духовные трубы, гремели их голоса во утверждение истинных вселенских догматов, во обличение ересей. Явились в лоне Христианской Церкви и самопроизвольные мученики – преподобные отцы и матери, приносящие в жертву Богу жизнь свою презрением плоти и мира и последованием Евангелию. И в семейном быту восставлял Господь праведных и преподобных, – словом, всяк чин и возраст на всяком месте и во всякое время получил дар восходить ко Господу.

Новое время породило новые формы жизни. И в этих новых формах Церковь Христова осталась тою же истинной и непоколебимой, тем же несокрушимым Телом Христовым, которое не одолели и сами врата ада (Мф 16:18). Но это же время породило и новое поколение исповедников и мучеников Христовых. И явились опять скитальцы и узники, *их же не бе достоин весь мир* (Евр 11:38). И многие из сих скончались в одиночестве и безвестности, исполняя непостижимую волю Божию, проводящую их из среды страданий в Царство Вечной Правды.

Покойный батюшка был ревнителем древнего пути монашеского, пути преподобных и богоносных Отец, возлюбив путь этот от юности своей, но его же привел Промысл Божий и к исповеданию Святаго имени Своего, восхитив его в последние годы жизни к перенесению уз и темницы. И совершилась здесь любовь Божия, ибо Господь предзревше лучшее о возлюбленном рабе Своем, совокупил для него венец монашеский с венцом исповедничества, да не без трудов и скорбей раба Его возложен будет на него сугубый венец совершенства (Евр 11:40).

І. Детство, отрочество и первые годы юности

*В Тебе утвердихся от утробы, от чрева матере моя Ты еси мой
Покровитель.
Пс 70:6*

Небольшой уездный городок Чухлома Костромской губернии был местом рождения преподобномученика Игнатия. Чухлома расположена в 60 верстах от железной дороги, неподалеку от большого Чухломского озера, на берегу которого помещается мужской Авраамиев монастырь. Преподобный Авраамий Чухломской и Галичский чудотворец, ученик преподобного Сергия Радонежского, является духовным покровителем окрестных городов и селений и благоговейно чтится жителями как изгнавший змей из окружающих лесов своими святыми и угодными Богу молитвами. Ежегодно в день блаженной кончины преподобного Авраамия, 20 июля совершался торжественный крестный ход из монастыря, привлекавший большое количество богомольцев. Многие и преславные чудеса совершались и совершаются у гроба Преподобного, и не оскудевает приток верующих сердец к его многоцелебной раке.

Родители батюшки происходили из жителей города Чухломы: отец – из звания потомственных почетных граждан, мать была дочерью секретаря Чухломского земского суда. Александр Константинович Лебедев, отец батюшки, начал свою трудовую жизнь еще будучи 15 лет от роду, тотчас по окончании уездного училища, в Чухломском уездном суде в должности канцелярского служащего. 27 лет он был утвержден в звании помощника секретаря съезда мировых судей, спустя же год – в звании секретаря съезда. В этой должности он работал до глубокой старости, честно и непорочно выполняя свои обязанности, за что и был произведен в надворные советники, а также награжден в разное время тремя наградами: орденами Святого Владимира 4-й степени, Святой Анны 3-й степени и серебряной медалью.

По свидетельству самого батюшки, вся большая и сложная работа съезда судей лежала фактически на Александре Константиновиче. С этим множеством дел Александр Константинович, однако, справлялся очень легко, так как имел большую способность разбираться в материале, обладая природным даром давать советы в различных сложных жизненных обстоятельствах.

Так, 30 августа 1913 года Александр Константинович писал сыну, находясь дома по случаю перелома ноги: «Дела по съезду за август прошли благополучно, ко мне носили все бумаги и дела на дом для просмотра и поправления, а также и М. Н. приходил за советом, после же съезда написал им более 30 решений в окончательной форме, да видно уж очень убедительно, потому что до сего ни одной жалобы не подано, а также и на будущий сентябрьский съезд на три заседания 75 дел готовы, я прочитал их и наметил резолюции – пусть проверяют».

Александр Константинович был глубоко верующим православным христианином, полагая течение своей жизни со всеми ее большими и малыми трудностями в совершенную преданность Промыслу Божьему, как в этом можно убедиться из многих писем его к сыну. В ноябре 1916 года, подробно описывая, как загорелись ночью от горячей лампадки бумажные иконки и деревянная полка, Александр

Константинович видит чудо в том, что огонь погас сам собою, ведь «если бы не погасло, то произошел бы пожар; но вот Богу угодно было проявить к нам окаянными грешникам Свою милость и избавить нас от такой беды». Наутро после пережитого чуда Александр Константинович служил молебен в храме, а позднее дома – всенощную и молебен с акафистом Пресвятой Богородице. «О. Николай смотрел обгорелые места, – пишет с благоговением Александр Константинович, – и пришел в полное недоумение, как погас огонь, а по всем признакам было пламя, и убедился, что совершилось чудо, которым мы спасены от явной смерти».

Мать батюшки, Мария Филосбфовна, была также благочестивой жизни, сподобившись в последние годы свои принять монашество, предложенное ей ее сыном и духовным руководителем. До замужества, по собственным ее словам, она занималась немного шитьем платья, причем ей приходилось выполнять как легкие, так и более трудные заказы. В замужество она вступила уже после 30-ти лет, когда Александру Константиновичу было около 40. «Согрешила я, – уже потом, в глубокой старости, говорила Мария Философовна, – поздно замуж вышла».

Такое смиренное рассуждение старицы было тем более трогательно, что она сподобилась быть матерью истинного служителя Божия, да и сама украсила жизнь свою монашеским чином, получив данное ей от сына имя преподобного Авраамия Чухломского, ее родного с детства покровителя и чудотворца.

Батюшка родился 28 мая 1884 года, в Духов день. «Только начали утром к обедне звонить, – рассказывала потом сама матушка Авраамия, – отец Агафон и родился. Часов 8 утра было, наверное». Не случаен был этот чудный день и час появления на свет отца нашего. Соделал его Господь и богато напитал дарами Святаго Духа, и самого сотворил живым сосудом благодати. Сам батюшка всю свою жизнь благоговейно чтит этот день и всегда считал Духов день днем своего рождения.

О детстве и отрочестве маленького Саша немного осталось свидетельств. Был он вдумчивым, очень деловитым мальчиком и, по словам своей матери, даже приезжая гостить на лето к родителям, успевал поделывать для дома полочки, шкафчики и прочие хозяйственные вещи. Печать серьезности и какой-то особой тихости лежала на всем облике маленького Александра. Подлинно, думалось, глядя на него, что «от чрева матери Бог был его покровитель». Однако мальчик не лишен был и детской резвости, о чем свидетельствуют некоторые надписи на его школьных книгах. Так, однажды при переходе из класса в класс Саша с удовольствием пишет на своем дневнике: «Прощай, прощай, прощай до следующего года!» Осталось и еще в памяти знавших батюшку, как иногда он любил прибежать к своей мамаше, прося чего-нибудь сладкого, и быстро проговорить: «Закусить, кусить, кусить!»

Но вообще маленькому Александру мало пришлось жить со своими родителями, так как уже 10 лет он должен был уехать в Солигалич для поступления в Духовное училище. Сам батюшка говорил потом, что ему не пришлось привыкать к родителям и что, может быть, поэтому он всегда ровно, с почтением, но без особого пристрастия относился к ним. С любовью проводили родители своего единственного сына на учение в чужой город, благословив небольшой иконой Смоленской Божией Матери. «Дар и благословение родителей, – читаем мы на обратной стороне иконки, – перед началом учения в Солигаличском Духовном училище в 1894 году 23 сентября». Горько плакал Саша, уезжая на незнакомую ему жизнь из-под родительского крова в чужие люди.

По окончании училища Александр поступил в Костромскую Духовную семинарию. К этим годам относятся воспоминания батюшки о том, как он ходил в Костромской собор, где Успенским постом нараспев служился акафист Успению Божией Матери. Мотив заключительного стиха: «Радуйся, Обрадованная, во Успении Твоем нас не оставляющая», – батюшка любил напевать и потом, причем всегда говорил, что до последних дней помнит этот мотив, помнит и некоторые выражения из акафиста. «Трудный акафист этот», – говаривал он, и, стоя в уголке своей кельи, с глубоким чувством следил за чтением акафиста, подсказывая своим келейным отдельные стихи икосов: «Радуйся, обратившая в веру Афониево неверие... Радуйся, одре Царя Великого, вещанный Соломоном».

В бытность свою в Костроме батюшка очень чтит местную святыню – Феодоровскую икону Божией Матери, сохранив благоговейное почитание ее во все дни своей жизни. Позднее он просил даже изобразить эту икону на одном из приготовленных для него складней, где хотел почтить все дорогие его сердцу святыни. Среди старых тетрадей батюшки сохранился и тщательно переписанный тропарь в честь Феодоровской иконы Божией Матери, служащий выра-

жением его глубокой веры к чтимому образу: «Пришествием честныя Твоя иконы, Богоотроковице, обрадованный днесь богохранимый град Кострома, якоже древний Израиль к кивоту Завета, притекает ко изображению лика Твоего...»

Так проходили годы костромской жизни; курс учения в Духовной семинарии подходил к концу. 18 лет Александр Александрович окончил семинарию и в начале 1903 года находился в Чухломе с родителями, готовясь учиться дальше. В марте этого года он выправил формулярный список своего отца, необходимый для поступления в учебное заведение. У Александра Александровича не было желания оставаться с семинарским образованием, как он сам позднее о себе говорил, ему хотелось поступить в Казанский ветеринарный институт. Возможно, что провинция, в которой жил юноша, вместе с теми городами, в которых он учился, были тесны для его души. Хотелось повидать более широкий Божий мир, раскрыть ему навстречу свои молодые, еще неиспытанные силы, или – что то же, по Соломону, – *поискать премудрости от юности своя* (Прем 8:2).

Известно об этих годах Александра Александровича, что он любил музыку, сам учился и играл на скрипке. Любовь к музыке сохранилась у батюшки и в зрелые годы. Чутко вслушивался он в церковные песнопения, различая истинно художественные мелодии от того, что не имело ценности. Так, он высоко ценил музыку в стихирах апостолам Петру и Павлу, «Блажен муж» Зосимовского напева, кондак святителю Петру и многие другие.

Кроме того, в годы своей юности Александр Александрович очень любил заниматься и астрономией, много читал Фламариона и потом знал многие созвездия; особенно же любил он поминать созвездие Ориона, упоминаемое в Паремиях Постной Триоди, и толковал, как его среди других звезд на небе разыскивать. «Орион и все украшение небесное...», – скажет, бывало, батюшка и голосом покажет, как правильно по-славянски надо делать ударение на слове *Орион*.

К осени 1903 года, на 20-м году своей жизни Александр Александрович был зачислен в число студентов Казанского ветеринарного института.

II. Жизнь в Казани

...Премудрости же не одолеет злоба... Сию возлюбих и поисках от юности моя, и възисках невесту привести себе, и любитель бых красоты ея.

Прем 7:30; 8:2

Приехав в Казань, вновь зачисленный студент поселился в комнатке неподалеку от ветеринарного института и начал с добросовестностью постигать курс преподаваемых наук.

В то время неподалеку от Казани, в Седмиезерной пустыни подвизался известный своей духовной жизнью и опытным руководством старец схиархимандрит Гавриил. Вокруг него собралось большое общество уже возрастающих в духовной жизни пастырей, его мудрыми советами окормлялись настоятельницы монастырей, имелся и сосредоточенный вокруг батюшки Гавриила кружок церковной молодежи. К последнему и примкнул молодой студент ветеринарного института, учась одновременно с мирской мудростью горнему мудрованию. Жажда любви к Богу, возникавшая в сердце Александра Александровича за период костромской жизни, теперь нашла свое удовлетворение, сердце его открылось навстречу свежей, живой Божественной струе.

Средоточием, к которому стремилась его душа, был Спасский мужской монастырь, настоятель которого архимандрит Варсонофий, духовный сын батюшки Гавриила, был первым наставником юного ревнителя благочестия. Там, у мощей святителей Гурия и Варсонофия, Александр Александрович простаивал многие часы, забывая себя, забывая всех окружающих. Во время одной такой усердной молитвы за длинной монастырской службой у него была похищена снятая шинель, только что сделанная ему родителями. Так как ветеринарный институт и домик, где жил Александр Александрович, помещались от Спасского монастыря на противоположном конце города, то на Страстную неделю, чтоб насладиться церковной службой, он временно переезжал в номер гостиницы рядом со Спасским монастырем. Обычно же на праздничные и другие службы Александр Александрович ходил пешком через весь город, в полчаса одолевая значительное пространство.

Здесь-то, в Казани, и были посеяны в душу молодого студента мысли об особом образе жизни, отличном от того, к чему его готовил институт, мысли о подвигах поста и молитвы, мысли о монашестве. С особой любовью притекал он к мощам святителя Варсонофия, чудотворца Казанского, поверяя ему свои еще не вполне оформившиеся надежды, желания, упования...

От этого периода казанской жизни батюшки осталась часть его дневника, по которому можно судить, что волновало и заботило тогда душу слушателя ветеринарного института. В 1904 году, достигая 20 лет своей жизни, Александр Александрович часто делал в своем дневнике разбор читаемого им дневного Евангелия, обычно прилагая прочитанное к самому себе. Так, 23 мая 1904 года он пишет: *«Господь сказал: итак всякого, кто исповедает Меня пред людьми, того исповедаю и Я пред Отцем Моим Небесным»* (Мф 10:32)⁵.

«Из этого следует, – рассуждает Александр Александрович, – что мы не должны стыдиться исповедывать, то есть открыто признавать Господа нашего Иисуса Христа пред подобными нам людьми, хотя бы мы от этих последних могли ожидать и насмешки, и издевательства, и названия глупцов и т. п. *Для меня это выполнимо*, – заключает он, – главным образом при встрече с неверующими людьми, пред которыми я, не боясь ни потери знакомства, ни чего-либо другого, должен исповедать Христа, если будет в этом необходимость».

⁵ Здесь и далее подчеркнутое отцом Игнатием выделено курсивом.

«*Господь говорит, – пишет Александр Александрович ниже, – кто любит отца или мать более, нежели Меня, не достоин Меня; а кто любит сына или дочь более, нежели Меня, недостоин Меня*» (Мф 10:37). «*Из этого видно, – рассуждает юноша, – что Господь требует от своего последователя полного беспристрастия к миру; даже самые близкие – родители – не должны быть препятствием в следовании за Христом*». Таково было мудрование студента 1-го курса.

Еще более определенно проявляется настроение души Александра Александровича в том же его дневнике к концу 1904 года. Здесь дневник превращается уже в выписки из изречений святых Отцов: Симеона Нового Богослова, Иоанна Лествичника, аввы Дорофея и других. Это показывает, что в то время Александр Александрович твердо вступил на путь аскетический, получая для чтения книги святых Отцов, руководящих к монашеской жизни. В это же время Александр Александрович пользовался и советами схиархимандрита Гавриила. Так, в рукописях его находим несколько слов старца Гавриила, помеченных 1905 годом с его собственноручной подписью.

Выписки из святых Отцов постепенно сменяются в дневнике Александра Александровича отдельными отрывками из Патерика. Некоторые из них касались глубоких вопросов и даже тайн монашеской жизни в испытании помыслов, в откровении их старцу, некоторые относились к случаям видений или откровений, получаемых святыми. Теперь уже реже (по сравнению с маем предыдущего, 1904 года) среди этих выписок попадаются обращения к самому себе. Только иногда, выписывая какое-нибудь назидательное наставление старца, обличающее пороки ученика, Александр Александрович помещал внизу страницы краткую молитву в одну строчку, или же мы находим там замечание такого характера: «*Это мой портрет, обличение и меня*».

Ранее неопределенное и неясное состояние его души в 1905 году уже значительно определилось. И здесь, раскрывши свою душу перед старцем схиархимандритом Гавриилом, сказав ему о желании иноческого пути, Александр Александрович получил благословение на монашество. Мудрый старец понял, что в лице молодого студента он имеет душу, ищущую премудрости Божией, почему и ясно удостоверил его благословением на новый путь, сказав, что «его желание монашества есть звание Божие». Это было 25 апреля 1905 года.

Некоторые выписки, особенно отмеченные Александром Александровичем, могут ясно свидетельствовать о том, что наиболее приковывало внимание его юной души при изучении Патерика. «*Познав преподобный Пахомий, – пишет он в своих выписках, – каковое в последние дни иметь быти во иноцех небрежение, и леность, и помрачение, и падежи, и яко образ токмо в них будет иночества, и рыдаше о том вельми. И явися ему Господь Иисус Христос и рече: «дерзай, Пахомие, и крепись, семя бо твое духовное не оскудеет до скончания века, а от имущих по тебе быти мнози из глубины мрачного онаго рва *Моею помощию спасешся*, вышши явятся паче нынешних добродетельных иноков. Нынешний бо, образом твоего жития наставляеми и просвещаеми добродетельми, а иже по тебе быти имут в мрачном рве тобою видении, не имеющие таковых наставников, могущих от того мрака извести их, *самовольным своим произволением отскочивши от тмы*, светлым заповедей Моих путем усердно пойдут и угодны Мне обрящутся. А инии *напастьми и бедами спасутся* и великим Святым сравняются: аминь бо глаголю тебе о них, яко тоежде спасение получают, еже и нынешний иноцы, совершенно и непорочно жительствующий*».

Ниже идет другая выписка: «*Преподобный Ор, когда ученик ему сказал, что пришла Пасха и надо праздновать, глагола старец: ей, чадо, аз забых, яко Пасха ныне. И изшед из келлии, ста под небом и простер руке к небеси, стояше тако три дни недвижимо, весь ум имея вперен в Боге. По третьем же дни пришед ко ученику, рече: се, чадо, по силе моей праздновах Пасху. Глагола ему ученик: что сие сотворил еси, авво? И рече старец: *чадо, то праздник есть и Пасха монаху, да ум его молвы мира сего мимоходит, яко же Израиль море не мокрыми ногами, и с Богом да соединяется*».*

Местами выписки из святых Отцов в записках Александра Александровича сменялись отрывками из богослужебных книг – выписками из канонов, стихир, тропарей. Уже тогда, юный душой, Александр Александрович находил в богослужении Православной Церкви много красоты и изящества, много глубоких истин, выраженных с особой силой различными духовными песнописцами.

Так, мы опять читаем в его тетрадях выписку из канона преподобного Андрея Критского: «Рука нас Моисеева да уверит, душе, како может Бог прокаженное житие убелити и очистити, и не отчайся сама себе, аще и прокажена еси».

И дальше из службы предпразднства Рождества Христова: «Како приимет Тя, Слове, раждаема плотию вертеп малейший и зело худый? Како же повиешися пеленами, одевая небо облаки? Како в яслех бессловесных возляжет, яко младенец?»

Летом 1905 года, находясь в родной Чухломе на каникулах, Александр Александрович открыл свое намерение родителям, сказав им, что получил уже на сие благословение от старца схиархимандрита Гавриила и просит теперь родительского благословения на монашеский путь. Нелегко было родителям, бывшим уже не в молодых годах, согласиться на лишение своей опоры в старости, своей единственной надежды, единственного сына. Но любомудрие и живая вера в Бога победили – сначала с трудом, а потом уже и добровольно родители согласились и благословили Александра Александровича на новый путь. Об этом опять читаем в одном из писем Александра Константиновича к сыну: «...Ты уже имел от нас на эту жизнь благословение... и с того времени как наше благословение, так и твое желание не изменялись».

Батюшка сам рассказывал впоследствии, что, задумав идти в монастырь, он старался приготовить себя заранее к различным послушаниям. Так, он считал, что должен хотя немного изучить и дело варения пищи. Для этого под руководством своей матушки он занимался чисткой картофеля, чтобы его непривычные к подобной работе руки не оказались в монастыре совсем не готовыми к суровому труду.

Настроение Александра Александровича в предпринятом им намерении оставалось все время твердым и деятельным; в первую очередь занялся он возделанием своей нивы душевной. Об этом свидетельствует письмо архимандрита Варсонофия, присланное в июле 1906 года на имя Александра Александровича из Казани в Чухлому в период его летнего отпуска. Вместе с пожеланием спастись отец Варсонофий пишет относительно ведения дневника, что это полезное занятие. «А в какой день нечего писать или лень, так сие и впишите в назидание себе», – пишет отец архимандрит. «Писали о помыслах, – читаем мы дальше, – относительно их нужно всегда быть настороже. Правило свое старайтесь исполнять. На мелочи не особенно смотрите, чтоб не размениваться, а главное – сердце чтобы было чисто и смиренно».

Очевидно, что в описываемый период студент ветеринарного института помимо своих основных занятий по ветеринарии душой принадлежал уже братству спасающихся, имея тщание об исполнении иноческого правила, о наблюдении за помыслами и об откровении их.

Назидание своего первого духовного отца, архимандрита Варсонофия, батюшка и позднее часто поминал, когда учил своих духовных детей, как следить за помыслами. «А в какой день ничего не запомнишь за собой – так и напиши: простите, не последила за собой. Меня так в Казани учили», – говаривал батюшка.

Стремление осуществить на деле желание своего сердца было так велико у Александра Александровича, что в этот же период он ездил в Зосимову пустынь к отцу Герману с просьбой о принятии его в число братии. Старец не отказал исполнить в дальнейшем желание юноши, но счел нужным для него сначала окончить институт. За послушание старцу, имея надежду, что он будет в числе братства Зосимовой пустыни, Александр Александрович возвратился в Казань и оканчивал курс наук в ветеринарном институте до 1908 года.

Оглядываясь на период казанской жизни батюшки, хочется дать должную оценку тому, что приобрел он за этот период и какое значение для его дальнейшей жизни имела Казань.

Мы уже говорили, что Духовная семинария и полученное в ней образование не удовлетворяли Александра Александровича. Он стремился к приобретению точных знаний, к расширению своего кругозора, почему и избрал для себя поступление в ветеринарный институт. Что же случилось уже на первом году его студенчества? Перейдя из Духовной семинарии и как бы уходя от наук духовных к наукам светским, он здесь, посреди мира, был призван всемогущим зовом Божиим, и тогда, когда ощутил этот зов в себе, уже не противился ему, но всецело покорился, даже имел намерение ускорить течение свое. Зов этот к *Живому Богу* в душе Александра Александровича был поддержан и укреплен мудрым руководством старца Гавриила и отца Варсонофия, зов этот окреп и превратился в намерение, воплотился в жизнь, стал выполняться на деле.

Здесь, в Казани, Александр Александрович приобрел и духовных друзей, с одним из которых, архиепископом Гурием, до последних дней сохранил близкие, даже трогательно-братские отношения. Другой из них, преподаватель Пермской Духовной семинарии так писал батюшке в одном из своих писем: «Вас же я никогда не забываю; Ваш образ всегда передо мной бывает, когда я вспоминаю невозвратное прошлое – светлые дни жития казанского». С такой теплотой спустя несколько лет вспоминал о Казани питомец казанский, как бы делом отмечая ту действительную духовную жизнь, которая была в тот период разлита в православной Казани под руководством старца схиархимандрита Гавриила.

Еще более ясно о том, что дала Казань, выражается сам батюшка в одном из своих писем к старцу Гавриилу, называя его «первым своим старцем, от которого получил самое понятие о монашеской жизни, чрез которого духовно возродился в иную жизнь и коим впервые напитался духовною пищею». Подробнее о том же пишет батюшка в другом своем письме к игуменности Казанского монастыря: «Как Вам известно, начатки монашества и даже самое понятие о духовной жизни я получил в Казани, во дни моего студенчества. Батюшка отец Гавриил, матушка Аполлинария, батюшка отец Варсонофий – вот мои земные руководители и наставники, а невидимые и небесные наставники были и есть Царица Небесная, ко святой иконе Которой – Казанской – я всегда имею особую любовь и во дни казанского жития всегда притекал; затем святитель Варсонофий, святая обитель которого была для меня как бы домом для души и тела моего. В храме у святых мощей его я пережил лучшие часы и минуты моей жизни, которые не знаю, когда повторятся, службы в сей обители, за которыми я постоянно бывал, это было воспитание моей души, ея трапеза; при одном воспоминании о них я и сейчас еще чувствую как бы некоторую духовную сытость, так оне напитали меня! Еще притекал я за помощью и к святителю Гурию. Вот с кем главным образом и каким духовным родством связана душа моя в богоспасаемом граде Казани».

Мало что можно дополнить к этим строкам, писанным скорее сердцем, нежели чернилами, да, кажется, лучше и не выразить состояние души и духовный восторг Александра Александровича за эти годы казанской жизни.

Но кроме того, что батюшка был призван к монашеству в Казани, кроме того, что он укрепился и возрос здесь в намерении своем, кроме этого из Казани он унес и то, что стало его достоянием на всю жизнь, – это была возвращенная в его сердце любовь к старческому руководству. Не случайно поэтому именно в Зосимову пустынь, где было насаждено старчество, и устремился дух молодого ревнителя древней красоты иноческой жизни – старческого окормления.

III. Зосимова пустынь

*Имже образом желает елень на источники водный, сице желает
душа моя к Тебе, Боже.*

*Возжада душа моя к Богу крепкому, живому, когда прииду и
явлюся лицу Божию.*

Пс 41:2–3

По окончании последних экзаменов в институте, не дожидаясь получения диплома, не заезжая в родительский дом, Александр Александрович, как «елень на источники водные», устремился в Зосимову пустынь. Это было в последних числах апреля 1908 года. Архимандрит Варсонофий при прощании благословил его на новый путь большим медным крестом (этот крест до последнего дня батюшка сохранял как дорогую свою святыню).

4 мая 1906 года к вечеру, оставив позади себя мир и яже в нем, Александр Александрович пешком приближался к Зосимовой пустыни. Кругом по дороге все было молчаливо; тихо стоял лес, шел небольшой тихий дождичек.

«Что Вы переживали в ту минуту, батюшка?», – любопытствовали позднее некоторые из его духовных детей. В ответ батюшка только произносил: «...шел тихий дождичек...». Так и осталось тайной, ведомой единому Богу, что наполняло сердце молодого отшельника в те тихие и торжественные минуты его жизни. Батюшке еще не исполнилось тогда полностью 24 лет.

Сам он, выражая состояние своей души, записал позднее на полях следованной Псалтири под 4 мая: «В сей день в 1908 году многогрешный Александр во исполнение своего давнего и нетерпеливого желания пришел в Смоленскую Зосимову пустынь и принят о<тцом> игуменом Германом».

Батюшка рассказывал потом, что отец игумен, принимая его в число братии Зосимовой пустыни, сказал ему: «Вы исполнили послушание – окончили институт, и мы исполним наше слово – примем Вас в число братии».

Первое, что услышал брат Александр, придя в храм на совершающееся вечернее богослужение, было пение стихир 4-го гласа. С тех пор 4-й глас стал любимым гласом батюшки.

Зосимова пустынь в год поступления в нее отца нашего находилась в периоде самого своего расцвета. Основанная в последней четверти XVII века блаженным старцем Зосимом, пустынь позднее, по смерти старца, испытала много различных горестей и притеснений и была упразднена. Только во второй половине XIX столетия волею Божиего, при неусыпных трудах наместника Троице-Сергиевой Лавры архимандрита Павла и благодаря богатой помощи многочисленных благотворителей Зосимова пустынь стала восстанавливаться, и в 1900 году был освящен ее соборный храм в честь Смоленской иконы Божией Матери. Кроме Соборного храма в обители имелись трапезный храм во имя преподобного Сергия и храм во имя Всех Святых (над Святыми воротами). Обитель была обнесена большою каменною оградой 300 сажень длины, по углам которой помещались келлии братии. Имелись в ней также и двухэтажный корпус с помещением для наместника Лавры и братскими келлиями; каменное здание с помещением для отца игумена, аптеки и богадельни; корпус для монастырской библиотеки и проч. К востоку у ограды высилась трехэтажная колокольня.

Тут же по принятии в обитель послушник Александр был определен отцом игуменом на свое первое послушание – пасти скот. Рано утром 5 мая состоялся его первый выгон стада в поле. Итак, молодой врач животных (а ныне новоназначенный послушник) сразу поставлен на дело по уходу за животными... но не как их врач, а как их смиренный пастырь.

К родителям своим, как уже указывалось, из Казани брат Александр не заезжал по благословению старца, тшась исполнить Евангельскую заповедь: *оставь мертвым погребать своя*

мертвецы (Мф 8:22; Лк 9:60) и *взявшийся за рало и зряй вспять не у правлен в Царствии Божием* (Лк 9:62). Только уже прибывши в монастырь и будучи определен на послушание, он получил разрешение отца игумена написать родителям. В ответ от них было получено письмо от 3 июля 1908 года следующего содержания.

«Дорогой наш сын Саша! прости нам за медленность ответа на просьбу твою в последнем письме – благословить тебя на новый путь жизни – в иночестве. Впрочем, и торопиться не настояло особой надобности для тебя, так как ты уже имел от нас на эту жизнь благословение тебе данное. Но и теперь от всего сердца благословляем своим родительским благословением на новый избранный тобою по внушению и указанию Божию бесповоротный путь иноческой жизни под покровом Пресвятыя Богородицы. И молимся Господу, избравшему тебя по желанию твоему, да поможет Он, милосердый, совершить тебе этот трудный путь. – При этом не можем удержаться, чтобы не сказать тебе: напрасно ты не приехал к нам лично получить от нас благословение; напрасно лишил нас радости видеть тебя, может быть, в последний раз навсегда; напрасно и св<ятые> отцы боялись за тебя, не благословив тебе ехать к нам, так как огонь, о котором говорит св<ятой> Иоанн Лествичник, не мог бы в тебе потухнуть за несколько дней пребывания у нас, когда он не гаснул в течение всего почти пребывания твоего в Казани при всяких земных соблазнах. Но впрочем, да будет как Богу угодно, а не как мы желаем. Мама много и безутешно плакала о тебе, сокрушаясь, что больше не увидит тебя. Она заботится, не нуждаешься ли в чем, имеешь ли белье, ведь за год, должно быть, данное тебе уже износилось, напиши – пришлем. Диплома еще не присылали. Попроси за нас грешных благословения и молитв от батюшки о<тца> Алексея. Мы, слава Богу, здоровы; прости нам за все.

Родители твои А. и М. Леб<едевы>. Напиши нам хотя одну строчку».

Благословенные родители благословенного Богом сына! Господь утешил их позднее неоднократным свиданием с сыном-иноком в его обители, утешил и сознанием того, что по их же словам «милосердый Господь помог совершить ему трудный путь иночества».

Итак, для брата Александра начались долгожданные дни новой жизни в обители. Мир со всем его шумом и суетой, с присущими ему утехам остался уже за стеною святой пустыни. Правда, утехами мира и раньше очень мало пользовался призванный в юности Богом раб Божий, дела же мира и неизбежная в делах этих суета теперь уже совершенно отступили. Новый послушник, погружаясь в дело спасения души своей, пребывал в чувстве глубокого духовного восторга; теперь душа его подобно птице могла широко распростереть свои крылья, и с пророком Давидом мог он воскликнуть: *кто даст ми криле, яко голу вино и полещу...* (Пс 54:7). Правда, это не были крылья, о которых тот же пророк говорит, что они *посребрене и междорамия... в блещании злата* (Пс 67:14), – то крылья духовного совершенства; сейчас это были крылья смиренной души, наслаждающейся красотой Божьего мира в мире Божьих людей. Этот восторг души не был прелестным, представляющим вещи не так, какова их сущность. Подготовленный еще заранее старческим руководством в Казани, брат Александр вполне ясно отдавал себе отчет в том, какие трудности ждали его на новом пути. Но одно исполнение его «давнего и нетерпеливого» желания уже наполняло восторгом душу, одно было достаточно для того, чтоб дать силы для перенесения всех возможных трудностей и скорбей. Старцем он избрал себе отца игумена Германа, имея к нему нелицемерную сыновнюю любовь еще с тех пор, когда приезжал из Казани просить о поступлении в монастырь.

Батюшка игумен Герман, будучи учеником иеросхимонаха Александра из Гефсиманского скита, усердно насаждал старчество в своей обители. По свидетельству о нем его последователей, батюшка Герман признавал, что без старчества не может быть подлинной монашеской, да и вообще духовной жизни. Утаенны были добродетели отца игумена. «Потаенно, но непрестанно понуждал он себя ко всякому доброделанию, – говорит тот же свидетель, – в игуменском служении работал он Господу нелицемерно – ни братии, ни начальству не искал угождать. За то терпел, но дано ему было безгрешное веселие».

В руки такого раба Божьего – нелюбимого и строгого старца отдал свою душу брат Александр. И любовь его к своему *батюшке* была ярким светом всей его жизни в Зосимовой пустыни. Позднее, уже в зрелые годы, батюшка почти никогда без слез не вспоминал своего старца. Дорожил, как святыней, каждой его книгой; старые бумажки, служившие закладками, не разрешал уничтожать, потому что были они положены дорогими *батюшкиными* руками; иконы, писанные его кистью, благоговейно охранял, поновлял, портрет его всегда с особым чувством показывал своим духовным детям – духовным внучкам батюшки Германа.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.